

Глава 41. Изначальное пламя феникса

Птицы умолкли. Ночная область Цянькунь дышала такой мирной, надёжной тишиной, что даже в ветре чувствовался покой.

Луна заглядывала вниз сквозь просвет между ветвями лагерстремии, будто пропитанными румянами заката.

Заглядывала на человека, который уже очень долго неподвижно стоял у постели.

Лунный свет, текучий, как вода, удлинял тень Фу Линцзюня и смягчал его ослепительно красивое, но слишком резкое лицо.

Неизвестно с какого момента пушистый комочек на кровати начал испускать мягкое сияние.

Очень бледный, тёплый белый свет незаметно окутал его, и почти в одно мгновение тот превратился в юношу с необычно длинными волосами, чей силуэт в белом свете то проступал яснее, то вновь расплывался.

Эта внезапная перемена застала Фу Линцзюня врасплох. Он замер на миг, уже хотел было натянуть на Цзян Тана одеяло, но в следующую секунду укутанный светом юноша стремительно уменьшился и снова стал мирно спящим маленьким зверьком.

Рука Фу Линцзюня, тянувшаяся к одеялу, застыла.

Он коснулся ничего не сознающего пушистого комочка. Сквозь мягкую шерсть проступало тепло, куда более сильное, чем обычно, когда тот забирался к нему в объятия.

Что-то было не так.

Под ладонью мягкое тельце становилось всё горячее. Сначала это напоминало обычный жар, но потом температура понемногу росла, росла, пока не стала выше, чем бывает у обычных маленьких зверей. Спящий комочек слегка дёрнул задней лапкой, будто ему было не по себе, и тихо жалобно заскулил.

— Тебе где-то больно? — Фу Линцзюнь мягко погладил зверька по пушистой голове.

— Иу... — комочек ответил почти бессознательно, но голос его был слишком мягким, слишком слабым, будто он и вправду терпел боль.

В следующий миг с кончиков пальцев Фу Линцзюня полился тусклый золотисто-алый свет,

мгновенно собравшийся в маленького порхающего феникса.

Всё тельце феникса состояло из мягкого пламени. Он тёплой духовной силой потёрся о пушистый комочек, а затем влетел внутрь него.

Температура маленького зверя, до того всё время росшая, немного спала.

Фу Линцзюнь наклонился ближе. Но не успел он даже проверить состояние зверька, как жар, только что чуть опустившийся, с новой быстротой снова начал нарастать.

Фу Линцзюнь нахмурился.

Маленький зверь всё чаще превращался в человека, а промежутки между этими превращениями становились всё короче.

В долине Тяньбэй он ни разу не менял облик за всё это долгое время. Но стоило покинуть область Цянькунь, и это уже случилось в третий раз. Если искать, что могло послужить толчком к превращению священного зверя, Фу Линцзюнь мог вспомнить лишь ту ночь перед первым обращением Цзян Тана в человека, когда тот съел Тяньвэйжуй, продлевающий жизнь и укрепляющий силы.

После пробуждения зверёк, вернувшийся к своему истинному облику, и правда стал чуть крупнее, чем при их первой встрече.

Неужели священного зверя и правда можно буквально докормить до человеческого облика лекарственной силой?

Но тогда что происходит сейчас? Что это вообще такое?

Фу Линцзюнь не успевал обдумывать всё это. С его бледных пальцев один за другим срывались прекрасные огни феникса. Но стоило духовной силе войти в чужое тело, как она исчезала, словно камень, канувший в море: Цзян Тан поглощал всё без остатка. Более того, из-за этой внешней подпитки зверёк, только что после превращения снова вернувшийся к своему изначальному виду, ещё раз обратился человеком.

Только теперь спящий юноша уже не выглядел спокойным. Его прежде здоровые, розовато-белые щёки то наливались глухой краснотой, то снова становились бледными от сдерживаемой боли. Лежавшее навзничь тело невольно сжималось, будто ему было очень тяжело.

— ... — юноша прикусил губу. Видно было, что ему больно и он хочет что-то сказать. Его губы едва шевельнулись, но ни звука так и не сорвалось.

Почему ему так больно?

Фу Линцзюнь не знал, что именно происходит с телом юноши, но раз уж пламя духа, вошедшее в него только что, всё же дало хоть какой-то эффект, он больше не сдерживался. Из его тела вылетели бесчисленные золотисто-алые огни феникса и один за другим устремились внутрь юноши, которого корчило от боли.

В мерцании огня длинные ресницы юноши, крепко сомкнутые во сне, слегка дрожали, а лоб и шея уже покрылись тонкой влажной испариной.

Мелкие бисеринки пота скатывались вниз и терялись в этой необычной, бледной, почти демонической гриве волос.

— ... — не выдержав, юноша вцепился рукой в простыню, и из горла его вырвался мягкий, срывающийся от боли звук: — Бо...лит...

В этом тянущемся вверх слогe уже не было прежней мурлыкающей, кошачьей игривости. Только слабость, от которой щемило сердце.

Под холодным лунным светом золотисто-алое пламя феникса кружило без конца, словно огненный поток, вырвавшийся из тёмной комнаты и протянувшийся до самого чёрного неба.

На другом конце области Цянькунь Сян Син, не таясь, скрывший лишь свой облик, добросовестно караулил Ци Цунъюя, сидя на крыше.

С этого места как раз было видно окно комнаты, где тот остановился.

Тугодумный великан решительно не понимал, зачем хозяин велел ему следить за человеком, который всё равно никуда далеко не уйдёт. От скуки он вытащил из-за пазухи плетёную из травы бабочку.

Ту самую, которой сегодня вечером забавлял белый комочек.

Он играл с ней очень долго и под конец уже совсем заскучал, даже начал подумывать вернуться, взять что-нибудь поинтереснее, а потом снова прийти караулить. Но именно в этот момент из комнаты Ци Цунъюя донёлся шум.

— ...

— Хэ... хэ...

Сначала это были лишь приглушённые стоны, но вскоре они перешли в что-то вроде звериного рычания.

Сян Син втянул носом воздух. В нём чувствовался слабый запах, который ему очень не нравился, но, утратив память, он не мог вспомнить, что это за запах.

— Хэ... хэ-хэ...

И стоило этому странному звуку повториться ещё раз, как шум послышался уже и из соседней комнаты.

Это проснулся Ци Е.

Сян Син услышал, как тот в спешке слез с постели, подошёл к двери и негромко окликнул:

— Молодой господин? Молодой господин?

Изнутри никто не ответил.

Ци Е подождал у двери, потом постучал ещё раз:

— Молодой господин, я вхожу.

И снова ответа не последовало.

Юноша наконец не выдержал, бесцеремонно распахнул дверь и тут же в ужасе вскрикнул:

— Молодой господин?!

Лежавший на постели Ци Цунъюй с невероятной скоростью метнулся к Ци Е, жестоко толкнул его на пол и, распахнув дверь, выскочил наружу.

Сян Син караулил на крыше и вскоре увидел, как Ци Цунъюй в ночной рубаше, с растрёпанными волосами, в панике несётся по длинной улице области Цянькунь. В следующий миг он, видимо, воспользовался каким-то артефактом, скрывающим присутствие, и бесследно исчез.

Сян Син тоже сорвался с места.

На этот раз массивное тело Сян Сина опустилось на землю легко, почти бесшумно, а потом он

по запаху бросился вдогонку за Ци Цунъюем.

Едва он миновал один из переулков, как прямо навстречу ему выскочил перепуганный юноша.

Высокий, светлокожий, с ещё не исчезнувшей младенческой округлостью на лице.

Это был Хуай Чэнъинь.

— Почему опять ты?! — Хуай Чэнъинь отшатнулся на два шага назад, но тут же нервно посмотрел в ту сторону, куда убежал Ци Цунъюй, и, обогнув Сян Сина, рванул следом.

Сян Син побежал за ним.

У Хуай Чэнъиня и без того был на него зуб, а теперь он и вовсе вскипел:

— Ты-то что творишь? Не мешай мне заниматься делом, ладно?!

Но великан, который был и большим, и быстрым, бежал удивительно ровно и при этом очень серьёзно ответил:

— Я тоже... гонюсь... за ним.

Хуай Чэнъинь: ???

— Ты что, тоже знаешь, что Ци Цунъюй практикует тёмный путь? — недоверчиво выпалил он.

— Нет, погоди, откуда ты вообще об этом знаешь?

Бежавший рядом великан покачал головой:

— Сян Син... не знает. Сян Син... просто должен... следить... за ним.

Хуай Чэнъинь яростно закатил глаза. Ему до ужаса хотелось немедленно развернуться и порвать все отношения с этим странным типом, который когда-то его домогался.

Но он уже слишком давно втайне следил за Ци Цунъюем и теперь никак не мог упустить этот шанс. Потому он просто сделал вид, что рядом никого нет, и они вдвоём продолжили погоню.

И хорошо, что рядом оказался Сян Син.

Хуай Чэнъинь следил за Ци Цунъюем не впервые, но у того имелось множество артефактов, подаренных даосским святым Ци Юаньланом, и среди них особенно один, скрывающий присутствие. Всякий раз, когда случалось что-то подозрительное, Хуай Чэнъинь преследовал его недолго и неизменно терял след.

Теперь же рядом был Сян Син с его поразительно острым восприятием. Пусть из-за случайной встречи они и потеряли немного времени, упустив Ци Цунъюя из виду, направление вскоре нашлось, и они вновь бросились вперёд.

Ци Цунъюй покинул область Цянькунь и добрался до городка Чишуй, где жили обычные люди.

Лунный свет был белым и тихо ложился на спящую деревню. Ветерок тянул сладким цветочным ароматом.

— У-у... у-у-у... у-у...

И вдруг в этой тишине послышался грубоватый, простой звук сюня. Его глухой голос был шумноватым, а печаль в нём — глубокой и таинственной.

Сян Син замер.

Хотя память у него исчезла, в этот миг ему показалось, что он уже слышал этот звук раньше. Но это удивление продлилось всего секунду: взгляд его тут же притянула странная картина впереди.

Как только стих звук сюня, дверь одной из наглухо закрытых хижин медленно приоткрылась. Изнутри выбрался маленький силуэт — совсем крошечный, ростом едва больше трёх чи, пухлый ребёнок.

Шёл он нетвёрдо, покачиваясь, и направлялся в сторону леса, откуда доносился звук.

Но глаза у ребёнка были закрыты, дыхание — медленным, словно он спал. Короткими ножками он переставлял шаг за шагом, спотыкаясь, но не останавливаясь ни на миг.

У Хуай Чэнъиня по спине пробежал холодок. Он дёрнул Сян Сина за рукав:

— Эй, здоровяк, а где Ци Цунъюй? Что он собирается делать? Есть детей? Эй, ты чего застыл?!

Хуай Чэнъинь не видел Ци Цунъюя. К тому же они были знакомы, и, хотя следил он за ним уже давно, до сих пор не продумал, что будет делать, если однажды и правда сумеет его настигнуть.

Просто кинется вперёд и схватит? Да, в его семье тоже был даосский святой, но даосские святые тоже бывают разного уровня. К примеру, святой Пути Цзян Чаньюань был сильнейшим среди них — даосом уровня Предсвятого. Ци Юаньлан уступал ему на ступень и находился на уровне Святого духа. А дед Хуай Чэнъяня, Хуай Шоусинь, был ещё ниже — на уровне Святой области.

К тому же обе семьи были знакомы. И сейчас он правда не знал, что делать. Ему даже хотелось просто вытолкнуть вперёд здоровяка рядом и заставить того хватать человека вместо него — всё равно они не знакомы.

— Сян Син... думает, — ответил тот.

Сян Син чувствовал, где находится Ци Цунъюй, но сейчас не мог напасть.

Если звук сюня прервётся на полпути, ребёнок сойдёт с ума.

Сам Сян Син не знал, откуда в его голове взялась эта уверенность.

Он не мог мешать Ци Цунъюю, который играл на сюне. Значит, сначала надо остановить ребёнка, причём остановить так, чтобы тот остался в безопасности.

Медленно соображавший великан так перепугался, что в какой-то миг у него в голове вдруг всплыло очень странное движение рук.

Странное именно потому, что он совершенно его не помнил, но выполнить сумел на удивление ловко.

Он повторил это движение руками, и мягкий золотой свет накрыл ребёнка. Потом вокруг него очертилась маленькая область, похожая на барьер.

Словно с неба опустили огромный колокол и накрыли им малыша.

Хуай Чэнъянь моргнул раз, потом другой. В горле у него пересохло:

— З... Защитный Золотой Колокол?

Сян Син тоже моргнул.

— Защитный... Золотой Колокол... это... что?

Они с минуту молча уставились друг на друга, а потом Хуай Чэнъянь потряс головой, решив

пока не думать об этом, и быстро сказал:

— Иди хватай Ци Цунъюя. А я спасу ребёнка.

Они тут же разошлись в разные стороны.

Сян Син обладал врождённым чутьём преследователя. Но стоило появиться Защитному Золотому Колоколу, как из леса, откуда только что звучал сюнь, Ци Цунъюй исчез.

Не так, как исчезает беглец, оставляя след, а словно его кто-то унёс, пробив пространство и время.

Сян Син ещё несколько раз обошёл место, где только что был Ци Цунъюй, и, лишь окончательно убедившись, что следа не осталось, с досадой вышел обратно.

Тем временем у ног Хуай Чэнъиня сидел ребёнок и надрывно рыдал, а у самого Хуай Чэнъиня было такое лицо, будто ещё немного — и он тоже расплачется.

— Уа-а... у-у-у... — малыш плакал всё громче, растерянно озираясь по сторонам в незнакомой обстановке, пока не сорвал голос. — Плохие люди... у-у-у... хочу домой... у-у-у...

Он ревел до истерики. И вдруг перед его глазами появилась красивая плетёная бабочка. Она покачнулась перед ним, потом упорхнула чуть дальше.

— Не... плачь.

Сян Син вытащил из-за пазухи купленные для Сяо Бая духовные фрукты и пирожные, сложил всё на ладонях и протянул ребёнку:

— Верну... домой.

Ребёнок, который ещё секунду назад ревел, всхлипнул, поджал губы, и плач понемногу стих.

Как когда-то он подхватывал на руки ленивый пушистый комочек, так и теперь он целиком поднял малыша и усадил себе на плечо:

— Верну... домой.

Потом повторил это ещё раз.

Сделав пару шагов, он вдруг будто что-то вспомнил, обернулся и посмотрел на Хуай Чэнъиня, у которого на лице было сплошное смятение:

— Вместе... вернём... его домой.

Хуай Чэнъинь почесал нос, вздохнул и пошёл следом.

Он смотрел на человека рядом. С виду тот был могучим и грубоватым, а на деле таскал при себе целую кучу вещей, чтобы кого-то утешать. А если вспомнить ещё и тот Защитный Золотой Колокол... Хуай Чэнъинь тихо кашлянул и спросил:

— Ты... очень любишь детей, да?

Сян Син шёл удивительно ровно и после паузы глухо ответил:

— Да.

И снова замолчал.

— А... этот Защитный Золотой Колокол... ты правда не знаешь, откуда он у тебя?

Сян Син подумал и покачал головой:

— Правда... не помню.

Хуай Чэнъинь запутался ещё сильнее.

Ведь такой приём, как Защитный Золотой Колокол, мог использовать только даосский святой не ниже ступени Святой области!

* * *

За окном дрогнула ветвь лагерстремии, будто пропитанная румянами.

Духовная сила, непрерывно вырывавшаяся наружу, в густой ночной тьме распускалась цветок за цветком огня феникса, но тут же бесследно исчезала.

Пламя горело всё ярче, окрашивая комнату в сплошной золотисто-алый цвет. Лицо юноши, окружённого этим огнём, наконец немного разгладилось, а кожа постепенно вернула здоровый розовато-белый оттенок.

В тот миг, когда огонь исчез, фигура Фу Линцзюня едва заметно качнулась.

Он медленно сел на край кровати и коснулся лба юноши бледными пальцами.

Тёплый. Мягкий. Больше не обжигает ладонь.

Казалось, теперь он сможет спокойно проспать так до самого утра.

Но духовный огонь Фу Линцзюня хоть и нёс в себе бесконечную жизненную силу, стоило ему отдалиться от хозяина, как он превращался в самое страшное оружие.

Если только не держать юношу всё время рядом с собой, стоит тому уйти от него хоть на шаг, и этот огонь в одно мгновение сожжёт его дотла.

Или...

Фу Линцзюнь ещё долго сидел рядом со спящим без сознания юношей.

Потом медленно перевёл взгляд с его прекрасного лица на густую тьму ночи за пределами области Цянькунь.

Там, в темноте, бурлили скрытые течения. Всё шевелилось от людских сердец, готовых пожирать других.

Стоит ему показать хотя бы тень слабости, и эти люди набросятся, сожрут его живьём, вместе с плотью и костями.

Фу Линцзюнь отвёл взгляд.

Он долго молчал, а потом извлёк из своей внутренней обители золотисто-алый язычок пламени.

Бледные пальцы направили этот огонь. Тот, почувствовав зов хозяина, ласково потёрся о его ладонь.

Это и было изначальное духовное пламя Фу Линцзюня.

Если бы не оно, Фу Линцзюнь, чьей основной стихией была молния, вряд ли вырос бы так быстро и стал бы таким сильным.

Но теперь он собственными руками разорвал это пламя надвое, разделив его на две части.

Распущенные волосы шевельнул ветер, закрыв наполовину его бледное лицо, а вместе с ним и полоску крови, выступившую у губ.

Повреждённое пламя тут же поникло и жалко сжалось в комочек.

Фу Линцзюнь ослабел. Слегка замедлившимися движениями он достал из жемчужины Нахай маленькую прозрачную бусину и поместил туда отделённую часть пламени.

После этого продел красную нить и, наклонившись, осторожно повязал бусину на белую шею юноши.

Внутри прозрачной бусины покалеченное пламя погрузилось в сон, и лишь слабые золотисто-алые отблески ещё бродили по поверхности.

Когда Сян Син, вернув ребёнка домой, пришёл доложить о случившемся с Ци Цунъюем, Фу Линцзюнь как раз вышел из комнаты. Лицо у него было белое как бумага.

— Хозяин... почему... так слаб? — Сян Син чувствовал, насколько сильно истощилась духовная сила в его теле.

В прошлый раз, когда они выбрались из бездны долины Тяньбэй, уже было нечто подобное. Но нынешнее истощение оказалось ещё серьёзнее. Будто перед ним стояло не живое тело, а пустой каркас, силой державшийся на ногах.

Страшнее всего было то, что яростно пылавшее внутри хозяина изначальное духовное пламя почему-то уменьшилось более чем наполовину и теперь едва теплилось несколькими крохотными язычками.

— Хозяин... — здоровяк тут же расплакался.

Подбежав, он даже забыл, зачем так торопился вернуться, и крепко вцепился в край одежды Фу Линцзюня:

— Хозяин... по плану... нельзя... быть слабым.

Фу Линцзюнь остановился.

— Со мной всё в порядке.

Голос его был невесомым, усталым, вымотанным до предела.

— Хозяину... нехорошо, — Сян Син поджал губы и снова чуть не разрыдался.

Фу Линцзюнь потёр переносицу:

— У Ци Цунъюя что-то случилось?

Сян Син всё ещё шмыгал носом, но раз уж речь зашла о деле, решил, что сейчас это важнее, и, всхлипывая, подробно пересказал всё, что произошло ночью:

— Хозяин... да. Он правда... идёт тёмным путём. Сегодня ночью... чуть не съел... человека.

А потом, решив, что и встречу с Хуай Чэньинем тоже нужно упомянуть, он сбивчиво, но до конца рассказал обо всём, что произошло, включая и то, как проснувшийся Ци Е пошёл проверять шум.

Когда он закончил, Фу Линцзюнь дал ему новое распоряжение.

— Оставайся здесь и карауль до тех пор, пока оно не проснётся.

Под «оно», разумеется, снова подразумевался Цзян Тан, уже вернувшийся к звериному облику.

— Хозяин... — Сян Син не мог не переживать за Фу Линцзюня, который был слишком слаб. Ему хотелось всё время быть рядом. — Если... слаб... маскировку... раскроют.

Фу Линцзюнь тихо усмехнулся.

— Не страшно. Сейчас в области Цянькунь нет человека, способного на это.

* * *

Когда Цзян Тан проснулся, ему показалось, что у него всё просто прекрасно.

Это чувство трудно было описать. Если уж подбирать слова, то примерно так: будто человек пахал много дней без отдыха, а потом наконец дождался отпуска, спустил кучу денег на массаж, парную и горячие источники, а после ещё выспался на самой мягкой и удобной постели. Открыл глаза — и сразу свежий, бодрый, весь как заново родившийся.

Он сладко потянулся на кровати, потом лениво перевернулся.

Но когда он улёгся на живот, что-то под грудью неприятно врезалось ему в тело.

Разленившийся пушистый комочек сперва решил, что это просто что-то лежит на постели. Он чуть сдвинулся. Потом ещё. Но твёрдый предмет всё равно упирался в него. В конце концов Цзян Тан не выдержал и перевернулся, чтобы подняться.

Опустил голову, а мясистый подбородок загородил ему обзор — ничего не видно.

— Иу.

Похоже, всё-таки пора худеть.

Пришлось на ощупь пошарить лапой. И он коснулся чего-то круглого.

О? Что это?

Толстая лапка тронула то, что висело у него на шее. Лёгкое, почти невесомое. Похоже на пустой стеклянный шарик.

Неужели здоровяк, гуляя по рынку, увидел красивый колокольчик и повесил его ему на шею?

Цзян Тан тряхнул головой, но очень скоро внимание его отвлекло уже другое.

По комнате поплыл густой запах мяса, и желудок, проспавший всю ночь, тут же очнулся.

— Иу-у...

Пора бы завтракать. Здоровяк, ты где? Давай скорее, веди его поесть.

Маленький зверёк жалобно поскуливал в комнате один раз за другим, и вскоре дверь распахнулась, впуская Сян Сина. Тот неосознанно задержал взгляд на бусине у него на шее, а потом подошёл и, взяв голодный комочек в ладонь, понёс вниз.

Цзян Тан гордо выпятил грудь, показывая здоровяку своё новое украшение:

— Иу.

Но сегодня, непонятно почему, здоровяк был не в духе. Он только быстро взглянул на украшение, погладил его по голове и всё.

Точно. Когда он проснулся утром, Сян Сина уже не было рядом. Неужели Босс Фу опять заслал его куда-то по делам?

Цзян Тан и видеть-то сейчас Фу Линцзюня не хотел. Но стоило им спуститься вниз, как в людном трактирном зале он сразу увидел его.

Фу Линцзюнь сидел перед целым столом блюд, не притронувшись ни к одному.

Сян Син понёс Цзян Тана именно туда.

— Иу-у-у! — Нет, нет, не туда!

Цзян Тан перевернулся у него в ладонях и с предельной серьёзностью заявил свой протест.

От стола тянуло мясом. Причём, судя по запаху, именно тем, которое он обычно любил.

— Гррру...

Пустой желудок подал трагический сигнал.

Цзян Тан жалобно посмотрел на стол, а потом с большим достоинством отвёл взгляд.

Потёрся о ладонь Сян Сина:

— Иу. Пойдём лучше к той уличной лавке.

Сян Син понял, что он имеет в виду. Но растерялся. Всё это хозяин специально приготовил для Сяо Бая. Хоть немного-то нужно поесть...

Он оказался между надутым Сяо Баем и хозяином, который явно хотел помириться, и не знал, что делать.

— Иу! — А не то пусть он просто умрёт с голоду! Но за один стол с Фу Линцзюнем он есть не станет!

Великан сдался.

Украдкой глянув на лицо хозяина и решив, что выглядит тот вроде бы уже чуть лучше, чем утром, Сян Син, движимый личными пристрастиями, развернулся на пятке и как вихрь унёс Цзян Тана прочь.

Лишь отбежав далеко, он глубоко выдохнул.

Когда же хозяин и Сяо Бай наконец помирятся?

<http://bllate.org/book/17032/1639360>